

Д. Н. Замятин
**СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ И ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕКСТЫ:
 ОТ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОЛОНИЗАЦИЙ К ТРАНСГРАНИЧНЫМ
 КАРТОГРАФИЯМ ВООБРАЖЕНИЯ**

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-66-75

УДК 82 ББК 83.0

Любой литературный текст является актом онтологического освоения новых территорий. Культура, будучи всегда локальной, может не один раз осваивать одни и те же в физическом отношении территории — исходя из эпохи своего развития, а также из геокультурных трансформаций этих территорий. Процесс литературной колонизации означает мультиплицирование геокультурных процессов, в результате которых создаются новые «кластеры» гибридных геокультурных текстов. Сопространственность в отношении литературной колонизации может рассматриваться как онтологическое отождествление территории с нетождественными ей до того геокультурными текстами, при этом вновь создаваемые геокультурные тексты оказываются сопространственными как самим себе, так и текстам вступивших во взаимодействие геокультур. Литературная колонизация может рассматриваться как процесс интенсивного геокультурного взаимодействия, в ходе которого могут возникать гибридные тексты, характеризующиеся новыми сопространственностями и формирующие трансграничные картографии воображения. Разные геокультурные традиции колонизации формируют различные картографии воображения одной и той же территории, в которых присутствуют образы территорий колонизирующих. Целостность литературной колонизации обеспечивается геокультурным анализом, сопрягающим изначально далекие друг от друга места, ментальности и реалии и способствующим построению комплексных метакартографий воображения, объединяющих различные по происхождению и содержанию картографии воображения. Роль литературной колонизации заключается в открытии геокультурного транскодирования: одно или несколько значимых в геокультурном колонизационном контексте литературных произведений структурируют новую территорию с помощью вновь разработанной комплексной метакартографии воображения, предлагающей общие оригинальные правила восприятия и чтения средовых особенностей. Геокультура колонизационного текста заключается в «изобретении» территориальных страт, представляющих новую территориальность как имманентную необходимость расширения и трансформации собственно авторского сознания. Новые колонизационные геокультуры, интермедиальные по преимуществу, становятся более сопространственными друг другу, что ведет к формированию планетарной ритмики колонизационных процессов.

Ключевые слова: *литературная колонизация, геокультура, геокультурный текст, картографии воображения, сопространственность, трансграничность*

*Введение. Литература как барометр
 территориальных колонизаций*

Литературные колонизации — предмет множества литературоведческих, исторических, географических, социологических, культурологических и антропологических исследований. Практически в любой социальной и/или гуманитарной науке можно найти работы, имеющие отношение к данной теме.¹ И дело не

только в популярности колониального/деколониального дискурса или же в традиционном литературоцентризме большинства западных

¹ Концепт литературной колонизации в нашем понимании рассматривается достаточно автономно и расширительно: процессы литературной колонизации возможны вне прямой связи с общими процессами колонизации (например, в

случае травелогов и путевых очерков, являющихся индивидуальными инициативами и не имеющими отношения к государственному или корпоративному политическому, военному и экономическому колонизациям — так же, как и в случае литературных произведений, посвященных реальным и воображаемым территориям, на которых их авторы не бывали или же просто не могли быть по определению), однако, как правило, им все же сопутствуют. В содержательном плане литературная колонизация, на наш взгляд, — один из тех видов освоения новых территорий, который предполагает наибольшее приближение к проблематике экзистенциальной и феноменологической/онтологической колонизации. См.: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016; Mignolo W. The darker side of the Renaissance: Literacy, territoriality, and colonization. Ann Arbor, 2003; Terian A. Is There an East-Central European Postcolonialism? Towards a Unified Theory of (Inter) Literary Dependency // World literature studies. 2012. Vol. 4, № 3. С. 21–36.

(гео)культур модерна. Любой литературный текст (хотя сама по себе «литературность» конкретного текста может быть под известным сомнением — если это, например, путевые записки, дневники или же частные письма по ходу путешествия)² является, по сути дела, актом онтологического освоения новых территорий — если рассматривать такой текст как пространственный акт, как процесс феноменологизации земного пространства с помощью особого рода ментальных действий.

Всякое вторжение в чужую культуру, в чужой ландшафт означает поиски нового образно-символического языка, способного описывать и характеризовать дотоле неизвестное, малопонятное, зачастую враждебное. Здесь уместно говорить скорее о поисках новых пространственностей, частным и очень важным случаем которых оказываются литературные тексты и произведения, осваивающие неведомые ранее и невидимые реальности. Но стоит также заметить, что культура, будучи всегда локальной и пространственной, может не один раз осваивать одни и те же в физическом отношении территории — исходя из очередного этапа или эпохи своего развития, а также из серьезных геокультурных трансформаций этих территорий.³ Иначе говоря, каждый раз приходится входить в уже новую реку, но и сам входящий в нее уже новый или другой.

Конечно, имея в виду политические, культурные или же этнические границы, всегда можно говорить о внешних и внутренних колонизациях. Но относительность этого разделения очевидна, коль скоро с течением времени могут меняться как границы, так и способы и смыслы самих колонизаций. Литература здесь, по сути, чуткий барометр, способный заранее показать незаметно начинающиеся и происходящие изменения, еще до каких-либо официальных или громких исторических, политических, культурных событий. Исходя из этих обстоятельств, можно говорить об очевидной трансграничности любой значительной и значимой литературы и ее отдельных текстов, ста-

новящихся красными флажками на условной, воображаемой карте колонизаций — в той или иной степени коррелирующей с традиционными привычными картографиями.

Картографии воображения и литературные колонизации: потенциал трансграничности

Картографии воображения — ментальный конструкт, позволяющий детально исследовать пространственности и сопостранственности, формирующиеся в развитии, расширении, трансформации различных дискурсов и текстов, включая проблемы их взаимодействия.⁴ В известном смысле любую картографию воображения можно представить как своего рода ментальную ауру или же как когнитивное облако, сопровождающее тот или иной дискурс или текст. Однако, с нашей точки зрения, картография воображения может и предшествовать созданию определенного текста или дискурса, быть его онтологической «почвой».⁵ В то же время онтологический статус, онтологический характер конкретной картографии воображения определяет потенциальную множественность связанных с ней текстов и дискурсов. Наконец, следует отметить также, что онтологичность картографий воображений оказывается естественной основой тех или иных решений и действий, если они могут быть соотнесены с теми или иными акторами или сообществами.

Один и тот же текст может быть потенциальной основой разных картографий воображения, коль скоро возможны различные способы его чтения, понимания и интерпретации. По сути, герменевтика и поэтика литературных текстов могут порождать множество картографий воображения, которые тем не менее могут быть достаточно автономными ментальными пространствами.⁶ Другими словами, текст и картография воображения, как

² См.: Pratt M. L. *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*. London; New York, 1992; Пономарев Е. Р. *Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода* // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 562–580.

³ Например, литература американского Юга, в которой можно выделить несколько этапов развития с совершенно различными доминирующими геокультурными образами (см. «Гекльберри Финн» М. Твена, романы Фолкнера, «Сердце — одинокий охотник» К. МакКаллера, «Другие времена, другие комнаты» Т. Капоте, а также романы К. Маккарти, посвященные американскому фронтиру).

⁴ См.: Замятин Д. *Постгород (II): воображаемые картографии и политики сопостранственности* // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 1. С. 9–35.

⁵ Очевидно, что популярные произведения Дж. Толкина в жанре высокого фэнтези опираются во многом на предвзятую изобретенную и тщательно продуманную оригинальную картографию воображения, характерную также для большинства произведений в этом жанре.

⁶ Классический пример в русской литературе конца XX в. — романы С. Соколова, в которых можно наблюдать, как сосуществование различных картографий воображения, принадлежащих разным персонажам, живущим и действующим в одном ландшафте («Между собакой и волком», 1980), так и процессы ментальной трансформации одной картографии воображения в другую (в сознании главного персонажа «Школы для дураков», 1973).

бы обладая генеративными или же порождающими «грамматиками» друг друга, остаются в известной мере дистанцированными по отношению друг к другу, отталкиваясь от условной первоначальной феноменологической тождественности и становясь в процессе онтологического взаимодействия нетождественными.⁷

Всякая картография воображения имеет потенциальную энергию трансграничности, поскольку ее онтологическая пространственность предполагает развитие, расширение, экспансию, порождающую, в свою очередь, возможность сопространственности. Как и литературный текст, «колонирующий» новую территорию и в то же время создающий, творящий ее заново, как бы впервые, переходя границы известного — картография воображения как бы колонизирует самоё себя, вторгаясь в собственную пространственность и преобразуя ее — преобразуя тем самым и понимание изначально связанного с ней текста. Можно сказать иначе: потенциальная трансцендентность «колониационного» текста поддерживается, а затем и трансформируется сопутствующей ему имманентной картографией (или имманентными картографиями), благодаря чему формируется гибридное ментальное поле трансграничности, в котором переосмысливаются понятия своего и чужого, ландшафтные реалии и геокультурные образы.⁸ Онтологическим условием этого когнитивного процесса является и пересмотр уже известного, старого и привычного: трансграничность работает в обе стороны, меняя картографии воображения старых территорий и, соответственно, способствуя их теперь уже вторичной литературной колонизации.

⁷ Например, роман Г. Мюллер «Качели дыхания» («Вдох-выдох», 2009): в нем происходит интенсивное взаимодействие текста, генерирующего и осмысляющего ключевые слова, как бы осваивающие новую территорию, и формирующейся параллельно геокультурной картографии воображения послевоенного Донбасса, где работают в лагере депортированные в СССР немцы из Трансильвании.

⁸ Мощное ментальное поле трансграничности характерно, например, для романа Дж. Конрада «Лорд Джим» (1900). Главный герой, испытывающий чувство вины из-за морской катастрофы (действие происходит в бассейне Индийского океана и в британской Малайе конца XIX в.), в то же время одержим «цивилизаторской миссией». Его попытка поселиться и освоиться на коренной малайской территории заканчивается неудачей и гибелью. Герой «захвачен» двумя различными геокультурными мирами, создающими «асимметричные» картографии воображения — их расширяющаяся трансграничность свидетельствует в итоге об экзистенциальном кризисе «белого человека» перед «другим», представляющим не понятый до конца мир колонизируемой территории.

Сопространственность и геокультурные тексты колонизаций

Концепт литературной колонизации может быть переосмыслен — как исходя из уже сказанного выше о картографиях воображения и понятия трансграничности, так и в контексте концептов сопространственности и геокультурного текста.⁹ Стоит обратить внимание в первую очередь на основополагающий концепт геокультурного текста: именно он способствует первичной онтологизации взгляда на процесс колонизации, поскольку осваиваемая, колонизируемая территория, обладающая собственной уникальной геокультурной стратиграфией, оказывается мощным когнитивным источником «геокультуризации» или «геокультурации» формирующегося, пишущегося и читаемого колонизационного текста (ср. понятие транскulturации).¹⁰ Геокультурный текст сам по себе, как он есть, является становящейся гибридной пространственностью — как вербальной, так и визуальной в своих ключевых репрезентациях. Но здесь наиболее важно следующее: процесс литературной колонизации означает прежде всего мультиплицирование геокультурных процессов, в результате которых создаются новые кластеры гибридных геокультурных текстов, в рамках которых возникают, порождаются уникальные ландшафтные представления и географические образы, принципиально отличающиеся от предыдущих репрезентаций — как геокультуры колонизирующей, так и геокультуры колонизируемой.¹¹ По всей видимости, эти процессы также можно назвать и транссемиотическими.¹²

⁹ См.: Замятин Д. Н. Сопространственность и идентичность // Мир психологии. 2012. № 1 (69). С. 104–123; Горбинко О. Ю. Геокультурный текст и его интерпретации в современном литературоведении // Гуманитарные науки. 2015. № 1 (29). С. 136–140.

¹⁰ См.: Mignolo W., Schiwy F. Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation // Translation and Ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. Tucson, 2003. P. 3–29; Тлостанова М. В. Транскulturация // Культурология: энциклопедия: в 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 724–726.

¹¹ Яркий пример — произведения советского поэта П. Васильева (особенно поэма «Соляной бунт» (1933) и переложения и вариации на фольклорные темы), в которых представлены характерные гибридные степные ландшафты с переплетающимися и взаимодействующими геокультурными маркерами русской казачьей геокультуры Семиречья и казахской геокультуры, включая интенсивное использование казахской лексики и работу с казахским фольклором. См.: Темиргазина З. К. Транскulturность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвильность и транскulturные практики. 2021. Т. 18, № 1. С. 29–43.

¹² См.: Замятин Д. Н. Гетеротекстуальность и сопространственность: от семиотики города к транссемиотике постгорода // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 70–79.

Естественно, что специфические геокультурные маркеры в тексте, имеющем отношение к литературной колонизации, могут быть и неявными, скрытыми, латентными, слабо опознаваемыми или плохо идентифицируемыми, поскольку интенсивное геокультурное взаимодействие ведет к «нащупыванию», незаметному поначалу ментальному оконтуриванию новых образов, чья интенциональность может осознаваться и признаваться уже постфактум, в ходе интерпретации, внимательного исследовательского чтения. Трансграничность таких текстов может проявляться как сосуществование различных геокультурных маркеров в одном тексте: стандартных маркеров, фиксирующих признаки колонизирующей геокультуры; маркеров, заимствованных как бы механически из других текстов, имеющих отношение к осваиваемой территории; наконец, появляющихся в тексте необычных, неочевидных геокультурных маркеров, как бы сигнализирующих о рождении уникального гибридного взгляда на территорию и место действия соответствующего литературного произведения (этого может и не произойти, если процесс литературной колонизации замедлился, застыл или же просто оказался неудачным).¹³

Разрастающееся поле трансграничности, возникновение нескольких картографий воображения, идентификация принципиально новых геокультурных маркеров как вербальных свидетельств гибридных интенциональностей — все это может говорить о формировании сопостранственности, характерной для интенсивных геокультурных взаимодействий. Сопостранственность в отношении литературной колонизации может рассматриваться как процесс онтологического отождествления территории с нетождественными ей до того геокультурными текстами, при этом вновь

создаваемые геокультурные тексты оказываются сопостранственными как самим себе, так и текстам вступивших во взаимодействие геокультур. Осваиваемая территория, если рассматривать ее как систему локальных сообществ и сложившуюся геокультурную систему, становится сопостранственной иным, ранее чужеродным ландшафтам, ментальностям и геокультурным образам. В то же время территория, от лица которой ведется колонизация, как бы втягивается в геокультурном плане в новую территорию, оказываясь сопостранственной в первую очередь ее же удачным гибридным геокультурным образам, репрезентирующим уже совершенно иную реальность. Хотя в первом приближении можно, видимо, говорить о пассивной и активной сопостранственности, однако достаточно продолжительные колонизационные процессы (а, по сути, также и деколонизационные), скорее всего, характеризуются формирующимся общим полем сопостранственностей, онтологизирующих гибридные ландшафтные ситуации и событийности.

*Колонизирующие и колонизуемые:
становление комплексных
метакартографий воображения*

Итак, литературная колонизация может рассматриваться как процесс интенсивного геокультурного взаимодействия, в ходе которого могут возникать гибридные тексты,¹⁴ характеризующиеся принципиально новыми сопостранственностями и формирующие также трансграничные картографии воображения. Именно развитие трансграничных картографий воображения может оцениваться как ключевой признак процессов литературной колонизации. Понятно также, что эти картографии могут создавать общее ментальное «облако»

¹³ К подобным литературным произведениям можно отнести многие рассказы С. Моэма, действие которых происходит в британских колониях в Южной и Юго-Восточной Азии, а также его путевые заметки «На китайской ширме» (1922, поездка по реке Янцзы). На наш взгляд, трансграничность текстов Моэма достаточно хорошо репрезентируется геокультурными маркерами как британской геокультуры, так и колониальных территорий, однако необычные, гибридные геокультурные маркеры в его текстах практически отсутствуют. Несколько иной взгляд демонстрирует писатель Ю. Домбровский в романе «Факультет ненужных вещей» (1978), где главный герой, оказавшийся в Алма-Ате в эпоху сталинских репрессий, постепенно вживается в местный ландшафт, становящийся затем ареной надуманного расследования НКВД — Домбровскому удается создать гибридные геокультурные маркеры, характеризующие и колорит среднеазиатского ландшафта (особенно ярко — описание Алма-Аты в начале романа), и специфику сталинской эпохи конца 1930-х гг.

¹⁴ Великолепный пример подобной геокультурной гибридности — творчество К. Кавафиса: поэт, живший в египетской Александрии, писал в трансграничном пространстве, в котором взаимодействовали эллинистическая, новогреческая и левантская культуры на фоне европейского модернизма, что порождало соответствующие трансграничные картографии воображения. Можно сказать, что именно его литературная колонизация Александрии оказалась ключевым фактором в становлении геокультурного образа этого транскультурного мегаполиса (учитывая также позднейшую романную тетралогию «Александрийский квартет» Л. Даррелла). В современной русской литературе в этом отношении можно выделить ряд произведений Д. Осокина, в которых он разрабатывает свои оригинальные художественные версии вернакулярных гибридных культурных ландшафтов Среднего Поволжья, в которых сосуществуют и взаимодействуют русские и автохтонные народы региона (особенно повесть «Овсянки», 2008).

с постепенно типизирующимися геокультурными образами колонизируемой территории, источниками которых может выступать кластер, состоящий из близких по образным смыслам текстов. Колонизационный литературный текст в данном случае может оцениваться не только как оригинальное художественное произведение, но и как эффективный или неэффективный с точки зрения создания соответствующих картографий воображения и их влияния.

Здесь стоит обратить внимание и на понятие колонизируемой территории. Если рассматривать литературный текст достаточно широко, включая в эту категорию не только такие очевидные жанры, как рассказ, повесть, роман, стихотворение или поэма, но и путевые дневники и письма, описания путешествий, то станет ясно, что авторы многих путевых произведений, впервые описывая незнакомые и чуждые им до сих пор местности, пейзажи и города, могут использовать в значительной степени различающиеся творческие стратегии — в зависимости от своей профессии, цели путешествия, эмоционального настроения, конкретных обстоятельств путешествия и написания итогового текста.¹⁵ Таким образом, уже исходя из этого можно утверждать, что существует множество колонизируемых по-разному территорий, хотя в физическом плане это может быть одна и та же территория. «Облако» текстов, имеющих отношение к ней, позволяет говорить о картографиях воображения разных, по сути, ментальных территорий, хотя

¹⁵ Так, можно достаточно уверенно сказать, что классические описания путешествий в Центральную Азию Н. Пржевальского и П. Козлова, обладающие серьезными литературными достоинствами, создают совершенно иные геокультурные образы этого региона, нежели написанные в 1920–1930-х гг. путевые дневники и очерки Н. Рериха: художник создает в них образ Центральной Азии, центрированный на его геогеографической концепции, в рамках которой внешне схожие ландшафтные описания и маркеры приобретают принципиально другие смыслы. В то же время тексты, посвященные Северной Африке, таких разных авторов, как писатель-символист А. Белый (путевые заметки «Офейра», 1921), немецкий писатель-экспрессионист К. Эдшмид (книга путевых эссе «Баски, быки, арабы», 1929), художник К. Петров-Водкин (фрагменты его автобиографической повести «Пространство Эвклида», 1930) и итальянский писатель-футурист Ф. Т. Маринетти (книга путевых очерков «Очарование Египта», 1933), имеют довольно схожие интенции, связанные с «экзотизмом» их ландшафтного восприятия этих территорий. Однако более поздние литературные произведения американского писателя П. Боулза (например, романы «Под покровом небес», 1949, и «Пусть летит», 1952, значительное количество рассказов), местом действия которых также является Северная Африка, уже явно выпадают из этого ряда: его ландшафтные зарисовки и геокультурные образы написаны как бы изнутри освоенной им территории (писатель жил в основном в Танжере, начиная с 1947 г.), свидетельствуя тем не менее об экзистенциальной невозможности понимания между местными сообществами и пришельцами из западных геокультур.

так или иначе эти ментальные территории формируют и метакартографию воображения, как бы стягивающую наиболее важные геокультурные образы, которые репрезентируют рассматриваемую физическую территорию.¹⁶

Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, всякая колонизируемая территория соотносится с территорией колонизирующей — коль скоро авторы колонизационных текстов принадлежат по рождению или же по месту деятельности к той или иной территории и территориальной традиции (геокультурной и литературной). В этой ситуации можно, по всей видимости, говорить о своего рода геокультурных колонизационных традициях, опирающихся во многом на специфические национальные традиции (например, на французскую, английскую или русскую). В свою очередь, разные геокультурные традиции колонизации формируют различные картографии воображения одной и той же территории, в которых как бы присутствуют — иногда открыто, а иногда латентно — образы территорий колонизирующих.¹⁷

¹⁶ В этом смысле крайне интересно и важно сравнивать тексты разных писателей об одной и той же территории, относящиеся примерно к одной исторической эпохе, например, «Армению» (1928–1929) А. Белого и «Путешествие в Армению» (1931–1932) О. Мандельштама. Особенно мощное «облако» прозаических текстов, возникающее в 1920–1930-х гг., в первоначальный период развития советской литературы, посвящено Средней Азии, что формирует уникальный кластер соответствующих картографий воображения (прежде всего, «Повесть о стране Памир. От верховьев Пянджа к верховьям Инда» (1929) Б. Лапина, «Последняя Бухара» (1932) С. Бородина, «Кочевье» (1932) Л. Соловьева, «Салыр-Гюль» (узбекистанские импресии) (1933) С. Кржижановского, «Джан» (1935) А. Платонова, «Средняя Азия в Средние века» (1930-е) П. Зальцмана). В них присутствует и вполне традиционный экзотизм-ориентализм, и пафос социалистического освоения в условиях почти средневековых восточных обычаев, и в то же время попытки выразить дотоле неясные и непонятные для русской культуры экзистенциальные смыслы этой крайне разнообразной в этноисторическом и культурном отношении территории.

¹⁷ Наиболее яркие примеры здесь — раннее творчество Дж. Оруэлла (роман «Дни в Бирме», 1934; эссе «Как я убил слона», 1936); эссе А. Камю «Лето в Алжире», 1937–1938 и его неоконченный автобиографический роман «Первый человек», опубликованный лишь в 1994 г.; автобиографическая повесть Ж.-М. Г. Леклезю «Африканец» (2004). Если Оруэлл, критически относясь к деятельности британских колонизаторов в Бирме, пытается показать амбивалентное состояние мелкого британского чиновника, осознающего вред и ничтожество колониального освоения и все же несущего «бремя белого человека», то Камю, чьей родиной является Алжир, оказывается в своих произведениях как бы двудетным, осмысляя североафриканский ландшафт как свое собственное наследие — и понимая при этом принадлежность территории арабам. И совсем иной взгляд у Леклезю, прошедшего детство со своей семьей в Западной Африке (в Нигерии): в отличие от Камю, он не связывает свою идентичность с колониальной территорией, однако детальные воспоминания о перипетиях жизни его семьи в окружении африканских племен ибо и йоруба (его отец был врачом) позволяют ему органично включить экзотичный африканский ландшафт

Целостность и системность процесса литературной колонизации обеспечивается сложным геокультурным анализом, сопрягающим изначально далекие друг от друга места, ментальности и реалии и способствующим построению комплексных метакартографий воображения, по крайней мере формально объединяющих различные по происхождению и содержанию картографии воображения.¹⁸

Геокультурные среды и интенсивность литературных колонизаций: от детерриторизаций к ретерриторизациям

Всякий процесс освоения связан также с процессами детерриторизации и ретерриторизации.¹⁹ Колонизирующие геокультуры, как правило, стремятся в начальной фазе к пространственным описаниям и каталогизированиям незнакомых дотоле ландшафтов и сообществ, их геокультурных особенностей. По ходу данной фазы происходит своего рода когнитивная подготовка к детерриторизации, когда вновь приходящая геокультура пытается создать условия для образно-геокультурной оценки новой территории в контексте собственного развития. Это означает, что во второй фазе, по всей видимости, осуществляется геокультурная детерриторизация новой территории, когда образы предыдущего освоения размываются, становятся менее устойчивыми, их геокультурное воспроизводство ослабевает. Подобная детерриторизация может сопровождаться вытеснением литературных текстов старой геокультуры на периферию вновь формирующегося территориального сознания, в дальнейшем возможно их частичное или полное забвение, построение локальной литературной «резервации», иногда их переосмысление в рамках новой господствующей геокультуры.²⁰ В третьей фазе, очевидно, начинаются процессы ретерриторизации, в ходе которых могут возникать кластеры новых геокультурных текстов в различных литературных жанрах, создающие новую геокультурную традицию и, по сути, новую территорию — при

этом новая традиция в той или иной степени фрагментарно включает в себя переработанные пласты, страты старой геокультурной традиции.

Любую территорию формируют специфические геокультурные среды, обладающие собственными геокультурными кодами. Естественно, что эти геокультурные среды создают уникальные, локальные особенности сложившейся крупной геокультуры, формирующей множество взаимосвязанных геокультурных сред. Каждая геокультурная среда репрезентирует чаще всего свой особенный ландшафт и характеризуется специфическим локальным сообществом, являющимся частью геокультурного системного множества — можно назвать это системной множественной сингулярностью. Литературные тексты как свидетельство определенной литературной и геокультурной колонизации оказываются фактически ментальными элементами различных геокультурных сред — как старых, доколониционных (поскольку они могут читаться, восприниматься и интерпретироваться в рамках старых геокультурных кодов), так и новых, являющихся, по сути, гибридными.²¹ В такой сложной геокультурной ситуации появляется необходимость в создании нового геокультурного транскодирования, позволяющего регулировать когнитивные переходы между динамичными гибридными средами. Роль литературной колонизации во многом заключается в поиске и «изобретении» подобного геокультурного транскодирования: одно или несколько значимых в геокультурном колониционном контексте литературных произведений структурируют новую территорию с помощью вновь разработанной комплексной метакартографии воображения, предлагающей общие оригинальные правила восприятия и чтения средовых особенностей.²²

в историю становления его семьи (прежде всего, отца, который и оказывается «африканцем») и его самого.

¹⁸ См.: Замятин Д. Онтологии картографии: географическое воображение и планетарность // Логос. 2022. Т. 32, № 6. С. 183–202.

¹⁹ См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008. С. 405–407; Они же. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. С. 101–104, 182–184.

²⁰ См.: Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Екатеринбург, 2016.

²¹ В качестве очевидных примеров подобных гибридных колониционных литературных текстов можно назвать произведения С. Писахова, Б. Шергина, П. Бажова. Эти писатели, действуя уже главным образом в советскую эпоху, осмыслили и проявляли в своих текстах сказочно-мифологические геокультурные среды Русского Севера и Урала, складывавшиеся как фольклорные ландшафтные страты, естественно, еще в дореволюционное время.

²² По всей видимости, уральские сказы П. Бажова как раз и обладали своего рода системой уникального геокультурного транскодирования, позволявшей репрезентировать мощный геомифологический образ Урала, основанный на дореволюционном фольклоре, объединявший разновременные локальные геокультурные среды и в то же время консолидировавший советскую региональную идентичность как в содержательном, так и в стилевом отношениях.

Интенсивная литературная колонизация предполагает также новые геокультурные сборки, когда в новом литературном тексте концентрируются специфические средовые сингулярности, как бы изымаемые из общих ландшафтных потоков. Чем больше таких значимых и удачных литературно-геокультурных сборок удастся создать, реализовать, тем в большей степени оказывается успешным и эффективным процесс литературной колонизации. В онтологическом плане значимый текст литературной колонизации может быть интерпретирован как сопостранственный различным геокультурным средам осваиваемой территории, при этом его сопостранственность поддерживается уникальными геокультурными сборками, репрезентирующими возможности соответствующего средового транскодирования.²³

Геокультура колонизационных текстов и расширяющаяся трансграничность

Дискурсивное пространство осваиваемой территории представляет собой фактически «веер» разнородных, часто конкурирующих дискурсов, стремящихся описать новые геокультурные сборки. Вновь становящиеся «изобретаемые» литературные дискурсы могут претендовать как на новое содержание ключевых геокультурных образов территории, так и на разработку принципиально иных способов их описания и представления — в стилевом, лексическом, синтаксическом или семантическом отношениях.²⁴ Важно также

отметить, что подобные литературно-колонизационные сдвиги могут быть связаны и с новыми экзистенциальными контекстами: например, иначе, в совершенно другом ключе может разрабатываться проблема телесности, тесно соприкасающаяся с пространственной проблематикой. Новые феноменологии телесности, репрезентируемые теми или иными литературными текстами колонизационного типа, являются важным признаком формирования пионерных образов рассматриваемой территории.

Литературная колонизация, опирающаяся в первичном плане на процессы детерриториализации, занимается «выглаживанием» ментально-географического (образно-географического) пространства, создавая новое гладкое пространство (в терминологии Делёза и Гваттари).²⁵ На этом этапе освоения возникают чаще всего «номадические» тексты, преимущественным содержанием которых являются эпизоды пути, путешествия, открытия новых пространственных миров и одновременного экзистенциального открытия героем (или героями) произведения самого себя.²⁶ В контрапункте с подобного рода текстами, несколько позже, могут возникать уже тексты совершенно другие — ориентированные на «рифление» нового пространства, построение рифленых пространств (опять же в терминологии Делёза и Гваттари). Тексты рифленых пространств в сюжетном отношении имеют дело с «оседлыми», более статичными и устойчивыми образами территории и работают уже на процессы

²³ Очевидно, произведения П. Бажова и сами по себе были уникальной геокультурной сборкой — в то же время они породили последующие мифологические пласты уральской литературы, в рамках которых бажовские тексты и их смыслы (естественно, в трансформированном и переосмысленном виде) выступали элементами новых геокультурных сборок (например, в романе О. Славниковой «2017» или в романах А. Иванова — по отношению к сложившейся культурной традиции осмысления уральской истории). См.: Абашев В. В. Интермедиаальные трансформации горной мифологии П. П. Бажова в романе Ольги Славниковой «2017» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1 (25). С. 145–158.

²⁴ Здесь стоит упомянуть о таких авангардных текстах, как поэма «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» (1913) швейцарского и французского писателя и поэта Б. Сандрара, и роман-травелог «Эйми» (1933) американского писателя, поэта и художника Э. Э. Каммингса. Оба текста, посвященных России, имеют экспериментальный характер и отличаются оригинальными лексикой, семантикой и синтаксисом (особенно в случае Каммингса). Если Сандрар сосредоточен на дальневосточных и сибирских образах России (хотя они смешаны с множеством других географических образов), то Каммингс рассказывает о своей поездке в крупные города европейской части СССР — Москву, Киев и Одессу. Немаловажно также отметить, что произве-

дение Сандрара было опубликовано как «поэма-картина» и оформлено художницей С. Делоне в виде особого печатного пространства, включающего карту Транссибирской магистрали. Геопозитика Сандрара проявляется ярче всего через прозаизированный свободный стих (синтаксис), тогда как стиль Каммингса — эксперименты с лексикой, очевидные нарушения правописания, семантические сдвиги и уже затем — экспериментальный синтаксис. См. также: Фещенко В. В. Пограничье между миром и немиром в романе-травелог Э. Э. Каммингса о советской России // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 151–159.

²⁵ См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. С. 650–653.

²⁶ Здесь очевиден расцвет литературного жанра путешествий и приключений в западных литературах как раз в эпоху интенсивного развития колониализма (вторая половина XIX — начало XX в., Г. Мелвилл, Ж. Верн, Дж. Лондон и множество менее крупных писателей). Русская литература в этом отношении несколько запаздывала по сравнению с западными, поскольку российская колонизация имела иной характер — длительное освоение слабо освоенных окраин, продолжающееся до сих пор (как интересные примеры — литературные произведения таких известных ученых, как В. Обручев и В. Богораз-Тан). В позднесоветское время выдающимся представителем этого жанра стал О. Куваев («Территория», 1975).

ретерриторизации, захватывающей разные геокультурные страты территории — как старые, доколониционные, так и новые, только формирующиеся.

В плане консистенции (как дискурсивной, так и экзистенциальной) большинство колониционных текстов, как уже говорилось, являются гибридными — причем эта гибридность распространяется как на новую территорию, так и на территорию, являющуюся источником энергии освоения (здесь имеются в виду и экзистенциальные геобиографии авторов подобных текстов). Эта методологическая ситуация позволяет оценить трансграничность колониционных текстов как постоянно расширяющуюся и крайне важную для понимания их содержания. По сути, текст может свидетельствовать об авторе и его творческих интенциях посредством скрытых или же открытых репрезентаций растущих воображаемых территорий, включающих все новые ареалы, локальные сегменты, характеризующие сам процесс литературного освоения. Геокультура колониционного текста заключается в «изобретении» территориальных страт, представляющих новую территориальность как имманентную необходимость расширения и трансформации собственно авторского сознания.²⁷ Пространство и его осознание выступают как тождество сопространственных картографий воображения, формирующих невиданную дотоле, «взрывную» экзистенциальную грамматику территории.

***

Итак, основные выводы исследования состоят в следующем:

1. Литературная колонизация может рассматриваться как процесс интенсивного геокультурного взаимодействия, в ходе которого могут возникать гибридные тексты, характеризующиеся принципиально новыми сопространственностями и формирующие также трансграничные картографии воображения.

2. Процесс литературной колонизации означает мультиплицирование геокультурных процессов, в результате которых создаются новые кластеры гибридных геокультурных текстов, в рамках которых возникают уникальные ландшафтные представления и географические образы, принципиально отличающиеся от предыдущих репрезентаций — как геокультуры колонизирующей, так и геокультуры колонизируемой.

3. Сопространственность в отношении литературной колонизации может рассматриваться как онтологическое отождествление территории с нетождественными ей до того геокультурными текстами, при этом вновь создаваемые геокультурные тексты оказываются сопространственными как самим себе, так и текстам вступивших во взаимодействие геокультур.

4. Роль литературной колонизации заключается в поиске и «изобретении» геокультурного транскодирования: одно или несколько значимых в геокультурном колониционном контексте литературных произведений структурируют новую территорию с помощью вновь разработанной комплексной метакартографии воображения, предлагающей общие оригинальные правила восприятия и чтения средних особенностей.

²⁷ В этом смысле безусловным колониционным текстом является роман в стихах «Золотые ворота» (1986) индийского писателя В. Сета. Virtuозно владеющий английским языком, Сет попытался создать аналог пушкинского «Евгения Онегина», причем в содержательном плане его произведение посвящено Калифорнии 1980-х гг. По сути, новая территориальность в данном случае оказывается многосторонней и поликонтекстной, поскольку условно колонизируемыми территориями здесь оказываются американский Запад и абсолютная классика русской литературы — индийскому литературному «колонизатору» Сету удается своего рода языковое «сиденье на двух стульях», когда он, воспроизводя на американском английском пушкинский ямб, описывает специфические реалии тихоокеанской Америки.

Dmitry N. Zamyatin

Doctor of Culturology, National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow)

E-mail: dzamyatin@hse.ru

CO-SPATIALITY AND GEO-CULTURAL TEXTS: FROM LITERARY COLONIZATIONS
TO CROSS-BORDER CARTOGRAPHIES OF THE IMAGINATION

Any literary text is an act of ontological development of new territories. Culture, being always local, can develop the same territories more than once in physical terms – based on the epoch of its development, as well as on the geo-cultural transformations of these territories. The process of literary colonization means multiplication of geo-cultural processes, as a result of which new “clusters” of hybrid geo-cultural texts are created. Co-spatiality in relation to literary colonization can be considered as a process of ontological identification of a territory with geo-cultural texts that have not previously been identical to it. At the same time, newly created geo-cultural texts turn out to be both co-spatial with themselves and with the texts of geo-cultures that have interacted. Literary colonization can be considered as a process of intensive intercultural interaction that generates hybrid texts, characterized by fundamentally new co-spatialities and also forming cross-border cartographies of imagination. Different geo-cultural traditions of colonization form different cartographies of the imagination of the same territory, in which there are images of colonizing territories. The integrity of the process of literary colonization is ensured by geo-cultural analysis, which combines places, mentalities and realities that are initially far from each other, and contributes to the construction of complex meta-cartographies of imagination, combining various cartographies of imagination in origin and content. The role of literary colonization lies in the “discovery” of geo-cultural transcoding – one or more significant literary works in the geo-cultural colonization context structure a new territory with the help of a newly developed complex meta-cartography of the imagination, offering common original rules of perception and reading of environmental features. The geo-culture of the colonization text consists in the “invention” of territorial strata, representing a new territoriality as an immanent necessity for the expansion and transformation of the author’s own consciousness. New colonization geo-cultures, mostly intermediate, become more co-spatial with each other, which leads to the formation of a planetary rhythm of colonization processes.

Keywords: *literary colonization, geo-culture, geo-cultural text, cartography of imagination, co-spatiality, cross-borderness*

REFERENCES

- Abashev V. V. [Intermedial Transformations of P. P. Bazhov’s Mountain Mythology in the Novel “2017” By Olga Slavnikova]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, no. 1 (25), pp. 145–158. (in Russ.).
- Deleuze J., Guattari F. *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Factoriya Publ., 2008. (in Russ.).
- Deleuze J., Guattari F. *Tysyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Factoria Publ.; Moscow: Astrel Publ., 2010. (in Russ.).
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. (in Russ.).
- Feshchenko V. V. [The Borderland Between the World and the Unworld in the Novelized Travelogue By E. E. Cummings about Soviet Russia]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2014, no. 1, pp. 151–159. (in Russ.).
- Gorbinko O. Yu. [Geo-cultural Text and its Interpretations in Modern Literary Studies]. *Gumanitarnye nauki* [The Humanities], 2015, no. 1 (29), pp. 136–140. (in Ukrainian).
- Mignolo W. *The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, and Colonization*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. (in English).
- Mignolo W., Schiwy F. Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation. *Translation and Ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding*. Tucson: University of Arizona Press, 2003, pp. 3–29. (in English).

Permskiye literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti [Permian Literatures in the Context of Finno-Ugric Culture and Russian Literature]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2016. (in Russ.).

Ponomarev E. R. [Travelogue vs. Travel Article: The Russian Version of Postcolonialism]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2020, no. 6 (166), pp. 562–580. (in Russ.).

Pratt M. L. *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*. London; New York: Routledge, 1992. (in English).

Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii [There, Inside. Practices of Internal Colonization in the Cultural History of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. (in Russ.).

Temirgazina Z. K. [Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2021, vol. 18, no. 1, pp. 29–43. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43 (in Russ.).

Terian A. Is There an East-Central European Postcolonialism? Towards a Unified Theory of (Inter) Literary Dependency. *World Literature Studies*, 2012, vol. 4, no. 3, pp. 21–36. (in English).

Tlostanova M. V. [Transculturation]. *Kul'turologiya: entsiklopediya: v 2 t.* [Culturology: encyclopedia: in 2 vols.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007, vol. 2, pp. 724–726. (in Russ.).

Zamyatin D. [Ontologies of Cartography: Geographic Imagination and Planetaryism]. *Logos*, 2022, vol. 32, no. 6 (151), pp. 183–202. (in Russ.).

Zamyatin D. N. [Co-Space and Identity]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2012, no. 1 (69), pp. 104–123. (in Russ.).

Zamyatin D. N. [Hetero-Textuality and Co-Spatiality: From the Semiotics of the City to the Trans-Semiotics of the Post-City]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2021, no. 1 (70), pp. 70–79. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-70-79 (in Russ.).

Zamyatin D. N. [Post-City (II): Cartographies of Imaginaton and Co-Spatiality Politics]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie* [Russian Sociological Review], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 9–35. DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-9-35 (in Russ.).

Для цитирования: Замятин Д. Н. Сопространственность и геокультурные тексты: от литературных колонизаций к трансграничным картографиям воображения // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 66–75. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-66-75.

For citation: Zamyatin D. N. Co-Spatiality and Geo-Cultural Texts: From Literary Colonizations to Cross-Border Cartographies of the Imagination // Ural Historical Journal, 2023, no. 4(81), pp. 66–75. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-66-75.